

Омакаева Э.У.

ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫЦКОГО, МОНГОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)*

Синтаксис, как известно, изучает сочетание слов в предложении и сочетание предложений в тексте. Традиционный синтаксис ограничивался первым, различая словосочетания и собственно предложения.

Теория словосочетания разрабатывалась в русской грамматической традиции в рамках двух направлений: одно берет начало от В.В. Виноградова, который четко разграничил оба понятия, считая словосочетанием только непредикативную синтаксическую единицу. Следует отметить, что для отечественной лингвистики начала 20 в. (Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский) было характерно более широкое понимание термина словосочетание, вплоть до объявления его синонимом предложения, что ближе к термину группа (англ. phrase). Как пишет Я.Г. Тестелец, собственно, phrase означает "словосочетание", однако в русской грамматической традиции за термином "словосочетание" закреплен другой смысл (Тестелец 2001, 111).

В.Г. Гак разграничивает сочетание слов (любое соединение слов) и словосочетание, понимая под последним синтаксическую единицу с определенными свойствами (сочетание двух или более членов предложения) (Гак 2000, 526-527).

В монголоведении проблемам синтаксиса словосочетаний посвящены работы Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, У.У. Очирова, Д.А. Сусевой, Г.Ц. Пюрбеева и др.

Вслед за В.Б.Касевичем (Касевич 1984, 49) под словосочетанием мы понимаем любое сочетание слов, знаменательных (полнозначных) или служебных, между которыми существует непосредственная грамматическая связь.

Мы определяем предложение как предикативную синтаксическую конструкцию. Именно синтаксическая предикативность и модальность превращают словосочетание в предложение, которое имеет свою организацию.

Вопрос о строении предложения – это основной вопрос синтаксиса любого языка. Структура предложения традиционно определяется в терминах членов предложения. В соответствии морфологическим классам слов – частям речи – ставятся обычно члены предложения как функциональные классы слов. У каждой части речи есть первичная синтаксическая функция (например, глагол – сказуемое), а каждый член предложения выражается определенной частью речи (например, определение – прилагательное, подлежащее – существительное). Впрочем, положение не столь просто. Часто один и тот же морфологический класс слов употребляется в разных синтаксических функциях. Так, имя существительное в калмыцком языке встречается в позиции не только подлежащего и дополнения, но и определения, обстоятельства, присвязочного предикативного члена (именной части сказуемого).

Проблема определения статуса члена предложения связана прежде всего с вопросом об основных единицах синтаксиса. В традиционной лингвистике выделяются две соподчиненные единицы – предложение и член предложения, между которыми отмечают компонентные отношения. Члены предложения определяются по той функции, которую они выполняют в составе предложения.

Обратимся к рассмотрению такого члена предложения, как подлежащее. В русской и калмыцкой лингвистической традиции подлежащее выделяется на основе двух призна-

ков: номинатив и контроль согласования с финитным глаголом-сказуемым по лицу-числу. Основываясь только на этом, мы рискуем не обнаружить подлежащее в отдельных синтаксических конструкциях. Естественно, возникает сомнение в универсальности такой синтаксической категории, как подлежащее, и в возможности его однозначного определения.

С.Е. Никитина (Никитина 1987) попыталась дать тезаурусное описание синтаксического термина "подлежащее", составленное на основе анализа текстов словарных статей в девятнадцати словарях лингвистических терминов. Она приводит наиболее типичную семантическую схему статьи термина "подлежащее": "Обычно в ней присутствуют сведения, относящиеся к пунктам "род", "признак", "функция", "способ выражения" и "типичное отношение" (Никитина 1987, 123). Нас интересует прежде всего пункт "функция", который у большинства авторов содержит указание на функцию субъекта и темы.

Как известно, тема – эта категория актуального членения предложения. Известное со школьной скамьи определение подлежащего как "того, о чем говорится в предложении" реально указывает на тему. Некоторые авторы (например, У. Чейф) считают, что определение подлежащего как "того, о чем говорится" сохраняет силу (Чейф 1975; 1982). Однако это не находит подтверждения в языковом материале. В высказывании Цыплят по осени считают речь идет, очевидно, о цыплятах, но довольно трудно согласиться с тем, что это подлежащее.

Что касается субъектной трактовки подлежащего, то сам термин subject "субъект" употребляется в литературе крайне неоднозначно (Кацнельсон 1972; 1974; 1986). В западной традиции под термином "subject" понимается нечто близкое "нашему" подлежащему. Кроме того, существует и традиция разграничения: grammatical vs. semantic subject. Наконец, есть и традиция понимать под subject именную группу (ИГ), которая обладает определенными семантическими (в широком смысле) и определенными грамматическими признаками.

Что касается отечественного языкознания, то традиционная трактовка категории подлежащего, которая имеет место и в работах И.И. Мещанинова, основана на отождествлении категории синтаксического субъекта (подлежащего – Э.О.) с семантико-реляционной категорией агенса (Шутова 1985, 153). С одной стороны, под субъектной функцией подлежащего подразумевается выражение агентивности, с другой стороны, само подлежащее определяется как "синтаксический субъект" (правда, не вполне понятно, что это такое). Такое положение, вероятно, вызвано отсутствием четкого представления о статусе субъекта в грамматике.

Употребление различных определений к слову "субъект" (например, логический субъект) ведет к расплывчатости термина и создает разнобой в терминологии.

Некоторые авторы (Л. Брюс, П. Шахтер и др.) видят в подлежащем объединение признаков тематичности и агентивности. В приводимом Л. Брюсом примере *A boy went with a map* немаркированная ИГ *a boy* и комитативная *with a map* могут быть охарактеризованы как агенсы (акторы), но подлежащим является только первая ИГ, поскольку именно она совмещает в себе семантику агенса и темы (топики) (Bruce 1983, 8). Если принять данное определение подлежащего, то возникает вопрос: как быть, если ИГ соответствует теме, но не имеет агентивного значения, и наоборот? По Брюсу, ИГ может быть подлежащим, даже если это не агенс. Очевидно, речь идет о безагенсах и пассивных конструкциях. Получается, что категория подлежащего имеет разный статус в различных конструкциях.

По мнению П. Шахтера, в филиппинских языках имеются две подлежащеподобные сущности, соответствующие подлежащему других языков (Schachter 1976). Речь идет о топике (ИГ с презумпцией референтности) и акторе ("главный герой"), между которыми распределены референциальные свойства (тематичность) и ролевые свойства (агентивность, что близко "акторности") подлежащего. Следствия, вытекающие из фактов такого бесподлежащего языка, как, например, тагальский, позволяют, как считает П. Шахтер, увидеть, что стоит за подлежащим подлежащих языков, т.е. могут иметь значение для синтаксического описания других языков и для общей синтаксической теории.

В типологической концепции Э. Кинэна и Б. Комри (Кинэн, Комри 1982) выделяются помимо тагальского еще два класса возможных бесподлежащих языков: топикоориентированные языки (лису и другие сино-тибетские языки) и эргативные языки. По мнению этих лингвистов, "если в каком-либо языке обнаруживается, что свойства подлежащего в нем систематически распределены между двумя или большим числом типов именных групп, то о таком языке можно сказать, что он вообще не располагает единой категорией подлежащего" (Кинэн, Комри 1982, 134).

Наконец, авторы "новой типологии языков" Ч. Ли и С. Томпсон (Ли, Томпсон 1982) также выделяют языки, в которых главную роль играет не подлежащее, а топик (китайский, лису), и языки, ориентированные на подлежащее (индоевропейские, финно-угорские). Между этими полярными классами находятся языки, в которых отмечается и выдвижение подлежащего, и выдвижение топика (японский, корейский), и языки, в которых не наблюдается ни того, ни другого (тагальский). "Это не означает, однако, - пишут Ч. Ли и С. Томпсон, - что в языках типа вТ (с выдвижением топика. — Э.О.) нельзя идентифицировать подлежащее или что в языках типа вП (с выдвижением подлежащего. — Э.О.) нет топиков" (Ли, Томпсон, 1982, 194). Иначе говоря, по мнению этих лингвистов, не во всех языках отношение "подлежащее — сказуемое" является базисным, но способы отождествить подлежащее есть в большинстве языков.

Свойства топиков, согласно авторам, отличаются от свойств подлежащего: например, топик обладает определенностью, не имеет семантической роли, т.е. не является аргументом соответствующего предиката. В то же время отмечается определенная связь между данными понятиями: "подлежащее — это грамматикализованные топика" (Ли, Томпсон 1982, 228). Поэтому в ряде языков типа вП невозможно грамматически неопределенные подлежащие.

Ч. Ли и С. Томпсон считают, "что универсальное понятие топика может по-разному выражаться в разных языках" (Ли, Томпсон 1982, 228). Например, в китайском языке топик представлен отдельной составляющей, а в малагасийском он совпадает с подлежащим.

Авторы, работающие в рамках реляционной грамматики, считают, что "подлежащее" — это принципиально неопределяемое понятие в силу своей универсальности, первичности, а, следовательно, должно изучаться не подлежащее, а связанные с данным синтаксическим отношением процессы, например, пассивизация (см. подробнее - Джонсон 1982).

Другие лингвисты, например, Р. Ван Валин и У. Фоли, авторы референциально-ролевой грамматики (РРГ), вообще отказались от понятия "подлежащее", полагая, что базисными, универсальными синтактико-семантическими отношениями являются актер (Actor) и претерпевающий (Undergoer). Данные понятия не являются другими названиями традиционного подлежащего и прямого дополнения. В частности, единственному актанту одновалентного глагола приписывается один из двух статусов (актер или претерпевающий) в зависимости от динамичности/стативности глагола. Например, в предложении Мальчик бежит мальчик (традиционное подлежащее) — это актер, а в предложении Отец болеет отец (подлежащее) — это претерпевающий. Статус претерпевающего включает практически все остальные семантические роли. Устанавливается определенная иерархия:

Агнс	Каузатор	Локатив	Адресат	Пациенс
наилучший актер			наилучший претерпевающий	

Решение вопроса об объединении подлежащего, прямого и косвенного дополнений в одну категорию претерпевающего зависит от типа оформления.

Авторы РРГ вводят понятие прагматического типа (ПрП) — прагматически наиболее значимой именной группы. ПрП определяется как самая левая, наименее морфо-синтаксически маркированная обязательная ИГ. Данное понятие не является универсальным, поскольку, по мнению авторов РРГ, не все языки имеют ПрП. В тех же языках, где он имеется, ПрП определяется на основе речевой выделенности как фокус интереса говорящего. При выборе ПрП учитываются такие прагматические факторы, как определенность и данность. Что касается соотношения актора и ПрП, то "актеры имеют преимуществен-

ное право стать прагматическим пиком" (Ван Валин, Фоли 1982, 391). Если же в качестве ПрП избирается претерпевающий, то такой выбор специально маркируется (например, пассив). "Понятие ПрП, - пишут Р. Ван Валин и У. Фоли, - соответствует тому, что традиционно называется "грамматическим подлежащим" в английском, немецком и французском языках, тогда как в других языках "подлежащее" и ПрП не всегда одно и то же" (Ван Валин, Фоли 1982, 393). И далее следует пояснение: "Если подлежащие в некотором языке выбираются на чисто семантической основе..., то такие подлежащие не являются ПрП" (Ван Валин, Фоли 1982, 396).

Понятие ПрП по существу аналогично понятию темы (топика), поэтому целесообразность введения нового термина вызывает сомнения, хотя, по мнению авторов РРГ, ПрП следует отличать от топика: последний можно обнаружить только в полном предложении; ПрП относится к элементарному предложению.

РРГ близка концепция Ч. Филлмора, но в последней семантические роли типа агенса рассматриваются как универсальные, первичные, базисные. По Филлмору, подлежащее — это вторичное понятие, и его выбор в предложении определяется иерархией семантических падежей: агенс — экспериенсер — инструмент — пациенс — источник — цель — локатив — время. Если предложение содержит более одной ИГ, то та ИГ, которая имеет семантическую роль более высокого ранга, является подлежащим.

Наконец, такие авторы, как Э. Кинэн, А. Андрюс (Кинэн 1982, Andrews 1987), отстаивают тезис о невозможности единого определения подлежащего для всех предложений языка и для всех языков. По мнению лингвистов, универсальным является лишь набор признаков, позволяющих отличить подлежащую ИГ от неподлежащей. Подход А. Андрюса к определению подлежащего несколько отличается от концепции Э. Кинэна, но и Андрюс приходит к выводу, что "нет свойств, которые во всех языках всегда есть у подлежащих и только у них" (Andrews 1987, 104).

Многофакторный анализ подлежащего предложен Э. Кинэном. Согласно Кинэну, "синтаксическая структура X является семантически более базисной, чем синтаксическая структура У, если и только если и только если значение У зависит от значения X, т.е. для понимания значения структуры У нам необходимо понять значение структуры X" (Кинэн 1982, 240). Подлежащее базисного предложения (б-подлежащее) идентифицируется на основе некоторого универсального набора признаков (около 30), которые можно объединить в четыре основных класса: 1. автономность; 2. падежная маркировка; 3. семантическая роль и 4. доминанция б-подлежащности.

Под автономностью понимается независимое существование референта б-подлежащего и автономность референции. "Внеязыковой объект, являющийся референтом б-подлежащего, существует независимо от действия или признака, выраженного предикатом" (Кинэн 1982, 247). В приведенном автором примере *A student wrote a poem* "Студент написал стихотворение" "существование стихотворения не является независимым от акта сочинения, тогда как существование студента таковым является" / (Кинэн 1982, 247-248/).

Важнейшим признаком б-подлежащего является его обязательность: б-подлежащее, как правило, не может быть опущено без нарушения полноты предложения, т.е. б-подлежащее — это обязательный элемент неэллиптического предложения.

По предложению Кинэна, универсальным обязательным условием б-подлежащности является автономность референции, т.е. референт б-подлежащего должен быть определен для слушающего в момент произнесения. В частности, б-подлежащее — контролер рефлексивизации, кореферентных опущений и прономинализации. В класс автономности входит свойство б-подлежащего выражать топик и такое свойство, как лексическое заполнение позиции б-подлежащего. Б-подлежащим являются "высоко референтные" ИГ (личные местоимения, имена собственные, указательные местоимения). В некоторых языках, например, в тагальском, определенность имени — обязательный признак б-подлежащего. Поэтому невозможность заполнения позиции неопределенными именами свидетельствует о том, что это позиция подлежащего.

Подлежащее служит наиболее естественной мишенью при трансформациях продвижения. Например, пассив продвигает прямое дополнение в статус подлежащего.

По мнению Кинэна, б-подлежащие в большинстве языков – это крайние левые ИГ в б-предложениях.

Б-подлежащие имеют специфическое морфологическое оформление: в число ИГ, выраженных немаркированным падежом, входят б-подлежащие непереходных предложений. Однако следует учитывать, что в некоторых языках подлежащее получает падежную маркировку, а немаркированным является прямое дополнение. Б-подлежащие также входят в число ИГ, которые меняют свою маркировку по падежу при каузатизации и номинализации действия.

Семантическая роль референта б-подлежащего может быть предсказана глаголом. Б-подлежащему свойственна роль агенса, если таковой имеется.

Подлежащее является, как считает Кинэн, адресатной составляющей императивов. Но при этом автор указывает, что в некоторых языках (например, в малагасийском) адресатная ИГ – это агентивное дополнение при пассиве или ином типе неактивного залога. Наконец, б-подлежащие обычно обнаруживают общие свойства (та же позиция, падежное оформление, глагольное согласование) с ИГ со значением каузатора в наиболее базисном типе каузативного предложения.

В общем случае корневой узел s непосредственно доминирует над б-подлежащим. Но в трех случаях s непосредственно доминирует над двумя ИГ: речь идет о языках типа VSO (например, семитские), о языках типа тагальского и о языках типа SOV, в которых составляющая VP отсутствует.

Ни одно из рассмотренных выше свойств не является, по Кинэну, ни достаточным, ни необходимым для определения подлежащего. "Мы будем считать, – пишет автор, – что именная группа некоторого б-предложения в некотором языке является подлежащим этого предложения в той степени, в какой она обладает свойствами, содержащимися в ... перечне свойств" (Кинэн 1982, 246). Иначе говоря, подлежащность выступает как величина относительная. Подлежащие одних типов предложений будут более подлежащеподобные, чем подлежащие других типов предложений данного языка. Более того, при таком подходе подлежащие в одних языках будут обнаруживать число свойств подлежащего из универсального списка, чем в других языках.

Что же касается подлежащих небазисных предложений, то "ими считаются те именные группы, которые обнаруживают явное преобладание свойств, характерных для б-подлежащих" (Кинэн 1982, 239). Другими словами, подлежащие небазисных предложений могут быть определены после того, как будет установлен полный комплект свойств б-подлежащего для данного языка.

По мнению Кинэна, "используя перечень свойств подлежащего, можно отождествить б-подлежащее в любом языке" (Кинэн 1982, 262).

Многофакторный подход Э. Кинэна был применен И.Ш. Козинским к русскому языку (Козинский 1983). По мнению исследователя, такой подход выделяет не подлежащее, а совершенно другую лингвистическую сущность – грамматически привилегированный актант (ГПА). ГПА – это "тот актант, который по своему поведению схож с единственным обязательным актантом одноместных сказуемых... и / или который тесно связан с выбором формы или референтной соотнесенности других актантов" (Козинский 1983, 49). Согласно Козинскому, все подлежащие непереходного глагола, переходного глагола, пассивного глагола являются ГПА, но не всякий ГПА есть подлежащее. Если у Кинэна подлежащее и есть ГПА (т.е. такой актант, для которого характерно наибольшее число грамматико-семантических и прагматических свойств из некоторого универсального набора), то для Козинского это не одно и то же. В предложении Не догнать тебе бешеную тройку автор выделяет два ГПА тебе и тройку, но ни один из них не является подлежащим.

Козинский определяет для подлежащего три универсальных признака: 1. грамматическая привилегированность; 2. определенные формально-грамматические признаки (не обязательно общие для всех подлежащих); 3. вхождение в тему (а не в рему). Таким образом, с подлежащим может быть отождествлен не всякий ГПА, а только такой, который обладает определенными формальными признаками, позволяющими отличить его от других актантов, и который входит в состав темы чаще, чем любой другой актант. Дативная ИГ в

предложении типа Мне холодно по первым двум признакам не является подлежащим, но сходна с последним по третьему критерию. Козинский определяет статус первых членов предложений Мне холодно, У меня нет денег как субъектный (субъект, по Козинскому, - это коммуникативно привилегированный актант).

По мнению Я.Г. Тестельца, понятие подлежащего основывается на идее грамматического приоритета (Тестелец 2001, 317). Выделив 15 приоритетных признаков, Я.Г. Тестелец выделяет несколько типов подлежащего в зависимости от набора значений: каноническое, или формальное, подлежащее (выделяемое на основе признаков, ориентированных преимущественно на падежную форму), неканоническое, или функциональное, подлежащее, а также просто подлежащее.

Активное вовлечение в синтаксис понятий семантики характерно для лингвистики последнего времени. На базе идей "классической" порождающей грамматики возникла концепция порождающей семантики. Резкое отличие последней от первой заключается в том, что синтаксис рассматривается "как система правил ограничений, налагаемых на возможность выражения данного смысла" (Касевич 1977, 120). Грань между синтаксисом и семантикой практически стирается при таком подходе.

Нас интересует прежде всего падежная грамматика Ч. Филлмора (для ее разработки существенный толчок дала теория Генъера). Основным понятием концепции Филлмора является падеж. Хотя набор падежей - семантических единиц, которые с необходимостью предполагаются предикатом, - варьирует в разных работах Филлмора, можно выделить типичный список: агенс, контрагенс, объект, результат, инструмент, источник, цель, экспериенцер, локатив (см. подробнее в /Филлмор 1981/).

Исследования последних лет в области падежной грамматики представлены в сборнике "Concepts of case" (Concepts of case 1987) и в монографии Ф. Ньюмейера (Newmeyer 1986). В этих работах рассматривается понятие падежа в трактовке различных направлений падежной грамматики. Расхождения связаны с числом падежей (от 3 до 15) и с критериями их идентификации. Так, Дж. Андерсен предлагает систему из четырех основных типов падежных отношений: абсолютив, локатив, эргатив и аблатив. К. Тарванен дает 15 семантических падежей, например, такие, как объектив, результатив, тематив, каузатив, локатив, эссив. Заслуживают внимания понятие падежной рамки Ч. Филлмора, понятие прототипа О. Даля, лексический подход С. Старосты и локалистская гипотеза Дж. Андерсена. Каждый из перечисленных подходов достоин специального и подробного обсуждения, которое мы не можем здесь себе позволить, чтобы не уходить слишком далеко от избранной темы. Нас интересует прежде всего правила преобразования глубинной структуры пропозиции в поверхностную, в частности, правила введения подлежащего, поскольку глубинные падежи часто не совпадают с поверхностным выражением. Подлежащему в первую очередь соответствует падеж «агент». Если же падеж "агент" передает ся не подлежащим, то подлежащему соответствует падеж "инструмент" и т.д.

Несомненно, любая теория, претендующая на адекватность, должна включать характеристику синтаксических единиц с точки зрения семантики: набор семантических ролей и их иерархия.

Подход порождающей семантики к описанию структуры предложения отличается от подхода Хомского тем, что, как и традиционная грамматика, выделяет два аспекта - глубинную структуру (с некоторыми оговорками приравненную к плану содержания предложения) и поверхностную структуру (план выражения), в то время как в рамках порождающей грамматики структура предложения описывается в терминах трех категорий - глубинная структура, поверхностная структура и семантическая интерпретация. Но если, согласно традиционным представлениям, план содержания представляет лишь то, что имеет соответствия в плане выражения, то порождающая семантика придерживается постулата Хомского о том, "что глубинная структура должна отвечать за все потенциально возможные способы семантической интерпретации" (Касевич 1977, 123). По мнению цитируемого автора, это шаг назад по сравнению с функциональным подходом к изучению аспектов предложения в их взаимосвязи.

Семантические роли (семантические падежи) активно изучаются в настоящее время

в американской лингвистике (У. Чейф, Дж. Груббер, А. Андрус, Т. Гивон и др.). В частности, Андрус (Andrews 1987) делит семантические роли на обязательные и факультативные. К первым он относит агенс, пациенс, директив (источник и цель), локатив экспериенцер, реципиент, тему, каузатор и инструмент. Андрус отмечает, что семантические роли тема и пациенс тесно связаны, но не идентичны. Что касается соотношения синтаксиса и семантики, то такая грамматическая функция, как подлежащее, обычно ассоциируется с семантической ролью агенса, но многие подлежащие не являются агенсами, т.е., по мнению Андруса, все попытки найти семантический инвариант подлежащего должны быть оставлены как бесперспективные.

В результате обзора существующих точек зрения на проблему подлежащего мы пришли к следующим выводам:

1. Тематическому и субъектному определениям подлежащего отвечают самостоятельные семантические единицы, а именно: тема как категория коммуникативной семантики, агенс как категория лексической семантики и субъект как категория синтаксической семантики (если таковой имеется в данном языке). За каждой из этих семантических категорий стоит определенное содержание, которое кодируется на поверхностном уровне в разных языках различными формальными средствами.

2. Что же касается соотношения категорий субъекта и темы, то многое объясняется, видимо, тем, что определение темы "то, о чем говорится в предложении" воспроизводит по существу аристотелевское определение субъекта суждения. В.Б. Касевич (Касевич 1988) указывает на однопорядковость категорий "тема" и "субъект", в то же время четко разграничивая эти понятия, относящиеся к разным уровням семантики высказывания, что представляется особенно важным. Тема есть категория коммуникативной семантики высказывания (т.н. актуального членения предложения). Отношение "топик — комментарий" в концепции Ч. Ли и С. Томпсон является по существу тема-рематическим отношением, хотя и у авторов "новой типологии", и в ряде других работ (Language typology and syntactic description 1987), включая отечественные обзоры западных синтаксических концепций (Демьянков 1979), понятия топика и темы разграничиваются. В частности, считается, что у всякого предложения есть тема, но не о всяком предложении можно сказать, что у него есть топик. На наш взгляд, такое разграничение имело бы смысл, если бы топик и тема по-разному определялись. Определение же топика как "объекта, о котором сообщает говорящий" (Кинэн 1982, 256) ничем не отличается от традиционного определения темы.

Возможно, следовало бы принять термин "топик" как более удобный, поскольку в некоторых западных работах "тема" — это одна из семантических ролей, и последние часто называются тематическими ролями.

3. Очень важной в отношении типологии языков следует признать идею о двупропозитивности семантики, связанной с традиционным актуальным членением предложения. Согласно В.Б. Касевичу (Касевич 1988), в любом высказывании есть пропозиция с предикатом-ремой "является темой (моего сообщения)". При таком подходе видно, что типологическая концепция Ч. Ли и С. Томпсон, связанная с разграничением языков типа ВП и языков типа ВТ, основана только на формальных признаках: в языках типа ВП (например, в русском) двупропозитивность семантики не находит отражения в синтаксисе, а в языках типа ВТ (например, в бирманском) она специально маркируется на поверхностном уровне: тема (топик) не входит в синтаксическую структуру предложения.

4. Статус же субъекта, скорее, ближе к статусу агенса — семантической роли одного из аргументов *n*-местного предиката. В литературе (Богданов 1977, Корди 1988) встречается мнение, что субъект и объект суть обобщенные семантические роли — т.н. гиперроли. Развивая эту мысль, В.Б. Касевич считает, что категория агенса относится к семантике словаря, а субъект представляет иной уровень обобщения — перехода от лексической семантики к синтаксической. В таком понимании субъект не является универсальным понятием, поскольку лингвистически реальны те семантические категории, которые имеют или могут иметь соответствия в плане выражения, субъект как особая категория семантики синтаксиса появляется только тогда, когда совпадает грамматическое оформление

двух или более семантических ролей, агенса (производителя действия) и абсолютива (носителя признака – состояния).

Таким образом, если субъектная трактовка подлежащего является агенсной, то согласиться с этим трудно. Во-первых, подлежащее не всегда соответствует агенсу (например, в безагенсных предложениях), во-вторых, не всякий агенс есть подлежащее (вспомним пассив).

Какая же из моделей синтаксического описания представляется нам наиболее адекватной?

Мы будем в настоящей работе исходить из актантной модели Теньера в несколько модифицированном виде, в том виде, в каком она представлена в (Касевич 1988). В рамках принятого подхода основной единицей синтаксической структуры предложения является синтаксема.

Предложение традиционно рассматривалось только с точки зрения его внутренней структуры. Между тем многие грамматические явления, в частности, порядок слов (связанный с актуальным членением высказывания), употребление местоимений, частиц, выбор видовой формы глагола, требуют учета контекста и конституции. Поэтому предложение мы рассматриваем и как составляющую более крупного языкового образования – сложного синтаксического целого (ССЦ), которое, в свою очередь, является частью текста. Термин *текст*, используемый специалистами разных дисциплин, не имеет единого определения. В литературе часто употребляется и термин *дискурс* в качестве синонима текста, хотя некоторые исследователи разводят эти два понятия.

Вопросы лингвистики текста были поставлены и разрабатывались на материале европейских языков. Привлечение данных восточных языков, в частности монгольских, представляется важным для расширения и углубления фактической базы при рассмотрении проблемы в общелингвистическом плане.

В качестве ССЦ одни лингвисты представляют сверхфразовые единства (СФЕ), другие – абзацы. Причем ряд исследователей четко разграничивают оба понятия. Так, например, по В.Г. Гаку, СФЕ – "основной смысловый и структурный элемент связной речи (текста), единый в отношении содержания и с определенной внутренней структурой" в отличие "от абзаца, который представляет собой композиционно-структурный элемент текста" (Гак 2000, 777-778).

Важное место в проблематике лингвистики текста занимает повторная номинация.

Повторная номинация (далее ПН) до сих пор как будто бы не изучалась в монголоведении в сопоставительном плане на материале параллельных текстов. Между тем выявление способов ПН в типологически разных языках, каковыми являются русский и монгольский, представляет большой исследовательский интерес. Мы привлекли для анализа монгольский художественный прозаический текст – роман "Тунгалаг Тамир" Ч. Лодойдамбы и его перевод на русский язык. Оригинал насчитывает 614 страниц, а русский текст "Прозрачный Тамир" – 496 страниц. Монгольский текст состоит из четырех глав. Каждая глава делится на подглавы, например, в первой главе 25 подглав. Русский перевод несколько отличается композиционно от оригинала. Роман представлен двумя книгами. Каждая книга состоит из двух частей, которые в свою очередь делятся на разделы. Например, первая часть первой книги представлена 24 разделами.

ПН – важнейшее средство связности любого текста. ПН заключается в повторном обозначении в тексте одного и того же денотата. Различаются ПН на уровне слова и ПН на уровне предложения. Другими словами, одним словом может воспроизводиться как отдельное слово, так и предложение, цепочка предложений. Здесь мы рассматриваем только первый случай – ПН лица. Личная ПН осуществляется с помощью лексического повтора или замены. Языки различаются с точки зрения степени распространенности, доминированности того или иного способа ПН. Наша задача – выявить степень контекстной связанности единиц в параллельных текстах.

Для сопоставительного анализа привлечен первый, начальный, фрагмент текста объемом 6 страниц. Монгольский фрагмент текста состоит из 33 абзацев монологической речи, а русский – из 31 абзаца. Рассматриваемый фрагмент текста отчетливо членится на

абзацы – компоненты текста, обладающие формальной завершенностью: определенная интонационная рамка, макропауза. На письме абзац выделяется графически – в начале красной строкой (абзацный отступ) и в конце – точкой, за которой далее строка остается незаполненной.

В монгольском тексте ПН осуществляется с помощью имен собственных (личных имен Эрдэнэ, Бат, Долгор), терминов родства (эх дүү хоер «мать и сын»), нулевой анафоры (эллипсиса), дескриптора (типа энэ хүн «этот человек»). В параллельном русском тексте тождество референтов устанавливается путем употребления анафорических местоимений он, она, они, имен собственных, ассоциативных слов (гиперо-гипонимические обозначения, обозначения типа "часть-целое", "множество – элемент множества" и т.п.), синонимов (словарных и контекстуальных).

Такой тип контекстных связей, как анафорические связи уже рассматривался нами раньше (Омакаева 1999, 40). В последние десятилетия теория анафоры активно разрабатывается на материале разных языков. Интерес к проблеме анафоры не случаен. Местоименная замена имени существительного является важнейшим средством контекстной связанности единиц, повторной номинации в связном тексте наряду с лексическим повтором. Однако монгольский язык пока не попал в поле зрения исследователей.

Для семантической интерпретации предложения в тексте необходим поиск слова-антецедента за пределами данного предложения. Сопоставительный анализ параллельных текстов показывает, что в русском тексте анафорическое местоимение встречается почти в каждом предложении. Что касается монгольского текста, то употребление анафорических местоимений для него не характерно. Распределение анафориков в параллельных текстах отражает так называемый индекс анафоричности, который определяется по количеству анафориков на одно предложение текста. Следовательно, для выведения индекса необходимо знать общее количество местоимений, встретившихся в тексте, и число предложений, из которых состоит текст. Для русского языка индекс составил 0,35, а для монгольского 0 (в рассматриваемом фрагменте не встретилось ни одно местоимение). Что касается нулевой анафоры, то здесь ситуация прямо противоположная: она встречается в монгольском тексте в 2 раза чаще, чем в русском (0,18 против 0,09).

Литература

1. Бондарко А.В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. Спб., 1992.
2. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
4. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
5. Касевич В.Б. Связанные словосочетания // Востоковедение, 9. Филологические исследования. Л., 1984.
6. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
7. Касевич В.Б., Спешнев Н.А. Лакунарность текста: грамматические, семантические и культурологические аспекты // ICANAS XXXVII. Тезисы. М., 2004. Т. 1. С. 72-73.
8. Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. СЛЯ. 1979, Т. 38. № 4.
9. Козинский И.Ш. О категории "подлежащее" в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
10. Солнцев В.М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984. С. 3-10.
11. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.